
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

«ФОРМУЛА ЛИЧНОСТИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Э.В. ИЛЬЕНКОВА

**И.Н. Трухина, кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России.**

**П.И. Федотова, кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный Технологический институт
(технический университет)**

Представлен анализ основных подходов к проблеме личности, а именно натуралистического, идеалистического и социокультурного. Указано на то, каким образом решает проблему личности Э.В. Ильенков, обобщая при этом опыт Загорской школы-интерната.

Ключевые слова: натуралистический подход, социокультурный подход, личность, деятельность, слепоглухонемые дети

«THE FORMULA OF PERSONALITY» IN THE WORK OF E.V. ILYENKOV

I.N. Truhina. Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia.

P.I. Fedotova. Saint-Petersburg state Technological institute (technical university)

The article provides an analysis of the main approaches to the problem of the individual, namely, natural science, idealistic and sociocultural. Indicates how to solve the problem of personality E.V. Ilyenkov, summing up the experience of Zagorje boarding school.

Keywords: naturalistic approach, sociocultural approach, personality; children, devoid of vision and hearing

Ильенков Э.В. определяет психологию как науку о «душе», о человеческом «я», то есть как науку о личности [1, с. 388]. Если это так, то психология обязана, прежде всего, определить свой предмет, то есть объяснить, что же такое личность.

То, что личность – уникальное, неповторимо индивидуальное образование никто не спорит. В мире нельзя найти не только двух одинаковых личностей, но и двух тождественных листков на дереве, даже двух капель воды. Спор идёт о том, что составляет содержание этой уникальности: уникальный, всегда неповторимый набор генов, уникальность всегда свободного, изнутри самого себя определяющего духа или нечто иное?

В отечественной, да и зарубежной философии и психологии стало общим местом говорить о «биосоциальной» сущности человека (а последнее время о «биосоциодуховной» его сущности). Ильенков Э.В. выступает против такой трактовки, резонно возражая, что если следовать этой логике, то от дуализма мы неизбежно придём к плюрализму в понимании личности, ибо необходимой предпосылкой биологических процессов являются химические, а сами химические основаны на электро-физических и так далее, что «с неизбежностью приведёт к «социо-био-химически-электро-физически-микро-физически-квантово-механическому» пониманию сущности человека» [1, с. 391]. Итак, первое, против чего возражает Ильенков, – это против попытки механистически соединить разные методологические подходы, хотя по этому пути идёт большинство представителей философской и психологической науки.

Второй пункт критики Э.В. Ильенков направляет против весьма влиятельного натуралистического подхода, который помимо всего прочего претендует на статус

«подлинно научного». Ильенков Э.В. считает, что искать сущность творчества в анатомо-физиологических особенностях мозга – это то же самое, что искать тайну создания статуи Ники Самофракийской в химическом составе мрамора, из которого она изготовлена. Мрамор лишь необходимая вещественная предпосылка создания статуи, но не причина её создания. Так же и мозг есть только одна из материальных предпосылок возникновения личности, но не причина её возникновения. Поэтому никакое исследование мозга не раскроет нам тайну рождения личности и её психики, точно так же, как нельзя понять, что такое «стоимость» на пути физико-химического исследования золотой монеты или бумажной ассигнации. Золото и бумага, мрамор и мозг – лишь вещественный материал, в котором выражено нечто совершенно иное – а именно система общественных отношений между людьми, опосредованных вещами.

Личность и мозг – две принципиально различные по своей сущности «вещи», хотя в своём фактическом существовании они неразрывно связаны друг с другом, как неразрывно слиты образ «Сикстинской мадонны» и те краски, которыми она написана, троллейбус и те материалы, из которых он изготовлен. Попробуйте отделить одно от другого. Что останется? Железо и краски. «Сикстинская мадонна» и троллейбус исчезнут без следа.

То же самое и с отношением личности к мозгу. Биологическое начало составляет лишь необходимую и ближайшую предпосылку, но не внутреннее условие, не «сущность» человеческой личности. То, что мозг не есть личность, доказывается тем фактом, что личности без мозга быть не может, а мозг без намёка на какие-либо психические функции бывает – он существует в этом случае в чисто биологическом смысле (например, у слепоглохих детей). Здесь возникает ещё один вопрос. Если причина психики – мозг, то получается, что голова вполне может мыслить, говорить и т.д. в отрыве от тела. Этот вопрос – способна ли голова думать в отрыве от тела? – задал однажды писатель Тендряков известному психологу А.Н. Леонтьеву, обсуждая с ним фантастический роман А. Беляева «Голова профессора Доуэля». На это А.Н. Леонтьев ответил: «Носитель разума – не мозг, не отдельный орган, вырабатывающий духовную эманацию, а целиком человек, с руками, с ногами, деятельный, как никто на земле» [2, с. 163]. Но человек с руками и ногами действует не в одиночку, а в сообществе с другими людьми и на основе опыта предшествующих поколений. Из этого следует, что научно познать личность, выявить законы её возникновения и развития, можно лишь обратившись к изучению иной системы отношений, чем «церебральные структуры» и «нейронные связи».

Та реальность, внутри которой возникает и формируется личность, есть система исторически-конкретных общественных связей. Ильенков настаивает на том, что от начала до конца личность – это явление социальной природы, социального происхождения. Мозг же – только материальный орган, с помощью которого личность осуществляется в органическом теле человека, превращая это тело в инструмент своей, а не мозга, жизнедеятельности. Чтобы понять, что такое личность, нужно исследовать эту систему межчеловеческих связей, имеющих социально-исторический, а не естественно-природный характер.

Человеческое отношение всегда предполагает, с одной стороны, созданную человеком для человека вещь, а с другой стороны, другого человека. Только внутри такой, состоящей из «трёх тел» системы («я» – «вещи» – «другие люди»), и оказывается возможным возникновение личности и её самосознания, то есть способности «относиться к самому себе как к некоему другому». Там, где такой системы из «трёх тел» нет, есть лишь биологический индивид как предпосылка личности, но не человеческая личность как таковая.

Морфологически необходимость появления человеческой личности в биологическом теле особи не «встроена», генетически не предусмотрена. Она «встроена» лишь в более сложное и обширное тело – в социальный организм. По отношению к индивидуальному телу она выступает как необходимость «внешняя», принудительно преобразующая его таким образом, каким оно само собой никогда бы не преобразовалось.

Биологически человеческий индивид не предназначен даже к прямохождению. Предоставленный самому себе ребёнок никогда не встанет на ноги и не пойдёт. Этому его приходится учить. Для организма ребёнка научиться ходить – мучительно трудно, ибо никакой необходимости, диктуемой ему «изнутри» нет, а есть насильственное изменение врождённой ему морфофизиологии, производимое «извне».

К прямохождению ребёнка принуждают не в силу биологической целесообразности, а для того, чтобы освободить его передние конечности для труда, то есть для функций, навязываемых условиями культуры, формами предметов, искусственно созданных человеком для человека, и необходимостью пользоваться этими предметами.

Биологически передние конечности человека вовсе не устроены так, чтобы они могли держать ложку или карандаш, застёгивать пуговицы или играть на рояле. Наоборот, заранее морфологически они ни к какой особой функции не предназначены. Это и составляет их морфологическое преимущество, благодаря которому они могут освоить любую функцию, любую работу.

То же самое и с артикуляционным аппаратом, и с органами зрения, с человеческим организмом вообще. Его специфика – в его универсальности, в отсутствии жёстких генетически заданных программ поведения, что позволяет ему приобрести внешние, социально-исторические формы деятельности. Процесс возникновения личности выступает как процесс преобразования биологически заданного материала силами социальной действительности, существующей до, вне и совершенно независимо от этого материала.

Ребёнок долгое время остаётся объектом человеческих действий, на него обращённых, но сам он не выступает как их субъект. Его пеленают, его купают, его кормят, его поят, а не он одевается, не он купается, не он ест и пьёт. Он относится к окружающему ещё не как человек, а как органическое тело. Личностью – социальной единицей, носителем социально-человеческой деятельности ребёнок станет лишь там и тогда, когда сам начнёт эту деятельность совершать. На первых порах с помощью взрослых, а затем и без неё.

Все без исключения человеческие способы деятельности ребёнок усваивает извне. В генах запрограммированы лишь те функции человеческого тела (и мозга в частности), которые обеспечивают чисто биологическое существование, то есть процессы кровообращения, пищеварения, газообмена, терморегуляции, работу эндокринной системы и т.п., но никак не социально-человеческую его форму.

Личность и возникает тогда, когда индивид начинает самостоятельно осуществлять внешнюю деятельность по нормам и эталонам, заданным ему извне той культурой, в лоне которой он просыпается к человеческой жизни. И лишь постольку, поскольку ребёнок усваивает, перенимая от других людей, человеческие способы отношений к вещам, внутри его тела образуются и специфически человеческие органы, завязываются нейродинамические структуры, управляющие его специфически человеческой деятельностью (в том числе прямохождением), то есть структуры, реализующие личность.

Итак, научный подход к психической деятельности состоит в понимании того, что она определяется не структурой мозга, а системой социальных отношений человека к человеку, опосредованных через созданные человеком для человека вещи. Личность есть конкретно-историческое, а не индивидуально-психологическое образование.

Обычно в качестве критерия личности полагают оригинальность, индивидуально-психологическое своеобразие, «непохожесть» или, как бы мы сейчас сказали, «нестандартность». С точки зрения Э.В. Ильенкова, этот критерий иной – социальная значимость. Личность тем значительнее, чем полнее и шире представлена в ней коллективно-всеобщая, а вовсе не сугубо индивидуальная её неповторимость. Подлинная личность открывает нечто новое для всех, лучше и полнее выражая «суть» других людей, своими делами раздвигая рамки наличных возможностей. Сила личности – это всегда индивидуально выраженная сила того коллектива, который в ней идеально представлен, это сила исторически накопившейся энергии множества индивидов, сконцентрированная в ней, как в фокусе. Общественная природа личности в том и состоит, что личность есть не что иное, как «индивидуально выраженное всеобщее» [1, с. 413].

Поднимая проблему личности, Э.В. Ильенков задаётся и вопросом о том, насколько возможно приобщить к человеческой жизни ребёнка, лишённого традиционных способов восприятия. Возможно ли, например, сформировать у ребёнка полноценную человеческую психику, если он лишён одновременно и зрения, и слуха? Долгое время все попытки в этом направлении были безуспешны. Единственный случай успешного воспитания слепоглухонемой девочки – американки Элен Келер – воспринимался как «чудо» даже её наставницей Анной Салливан. Повторить «чудо Элен Келер», опираясь на существующие стандарты воспитания (прежде всего вербальные методы обучения), не удавалось никому.

Только отечественным педагогам и психологам Загорской школы-интерната для слепоглухонемых детей – Ивану Афанасьевичу Соколянскому (1889–1961) и Александру Ивановичу Мещерякову (1923–1974) удалось не только повторить успех воспитателей Элен Келер, но и далеко превзойти его. Их слепоглухие ученики (самые известные из них – Ольга Скороходова, а затем четверо выпускников интерната, ставших студентами факультета психологии МГУ: Сергей Сироткин, Наташа Корнеева, Александр Суворов, Юрий Лернер) не только успешно освоили курс наук, овладели устной и письменной речью, стали первоклассными специалистами, но в разносторонности своих знаний, дарований, таланта превзошли многих зрячеслышащих.

В начале своих поисков, ещё в 20-е гг., И. Соколянский попробовал приступить к делу, опираясь на павловское учение об условных и безусловных рефлексах. Но путь рефлексологии завёл его в тупик. Никаких специфически человеческих функций – сознания, воли, интеллекта, самосознания у слепоглухих детей не возникало, и никакие поощрения и наказания помочь тут не могли.

Упрямо не хотела прививаться и вторая сигнальная система – язык. Слепоглухонемой ребёнок её органически не принимал, отталкивая все старания педагогов внушить ему «условную связь» между вещью и «знаком». Опыт показал, что для того, чтобы завязалась одна-единственная условная связь «знака» с «означаемой» им вещью, требуется восемь тысяч настойчивых предъявлений.

Тогда И. Соколянский и А. Мещеряков, тщательно проанализировав историю развития Элен Келер, пришли к выводу, что основой её успешного развития было не вербальное обучение (как это считалось), а предметно-практическая деятельность, которую Элен совершала под руководством своей маленькой служанки-негритянки на отцовской ферме. Это обстоятельство заставило педагогов искать иную теоретическую базу, нежели рефлексология, и на этой основе выработать иную педагогическую стратегию и тактику.

Первый вопрос, который нужно было решить (сначала теоретически, а затем практически) – чем отличается психика животных от человеческой психики? Где граница между тем и другим?

Жизнедеятельность животного есть активное приспособление к среде. Психика животного есть функция этого способа жизнедеятельности. Тут её потолок. Человек же начинает активно приспособлять природу к себе, к своим нуждам, преобразуя её. Он вступает на стезю труда. Труд выступает той основой, на которой формируются и высшие потребности (те, которые не носят непосредственно биологического характера) и высшие этажи психики. Специфически человеческая психика возникает по мере освоения индивидом мира культуры, мира вещей, созданных человеком для человека.

Поэтому ключевым понятием педагогики Соколянского – Мещерякова стало понятие «совместно-разделённой деятельности», то есть деятельности, осуществляемой ребёнком совместно с воспитателем и разделённой между ними таким образом, чтобы ребёнок постепенно перенимал те специфически-человеческие способы деятельности, которые предметно зафиксированы в формах вещей. Активно осваивая их, ребёнок осваивает и опредмеченный в них человеческий разум, то есть превращается в разумное существо.

Практически воспитание слепоглухонемого ребёнка выглядит так. Соску отводят от губ ребёнка на миллиметр, и если он это минимальное расстояние сумел преодолеть

собственным усилием, отводят на сантиметр. Постепенно расстояние увеличивается. Потом между ртом и соской ставится препятствие, которое ребёнок вынужден обходить. И так до тех пор, пока в сложной лабиринтообразной ситуации он не научится находить, ориентируясь по запаху и осязанию, верный путь, строить траекторию движения, соотносясь с формой и расположением внешних тел. Тут и возникает у него адекватный образ этих тел вместе с образом пространства вообще.

Если этого удалось добиться – психика возникла. Но это ещё нижний, сугубо животный уровень психики – сформированная поисково-ориентировочная деятельность, присущая всем живым существам. Человеческий уровень начинается с овладения простейшими бытовыми и трудовыми операциями: умения держать ложку, мыть посуду, застёгивать пуговицы, завязывать шнурки и т.д., то есть с научения таким действиям, которые генетически, биологически не наследуются.

Для этого взрослый (воспитатель) вкладывает в руку ребёнка ложку, берёт эту руку в свою и начинает совершать ею все необходимые движения до тех пор, пока ребёнок не начинает обнаруживать попытки самостоятельно совершать те же движения. Как только такой намёк появился, педагог должен немедленно ослабить своё направляющее усилие и продолжать ослаблять в той мере, в какой усиливается активность ребёнка. Мещеряков А.И. всегда требовал от педагогов и воспитателей величайшей внимательности к малейшему проявлению активности ребёнка на любом этапе его приобщения к человеческой культуре. В той мере, в какой ребёнок научится (под руководством взрослого) самостоятельно обращаться с вещами так, как требуется условиями культуры, он и становится субъектом высших психических функций, свойственных лишь человеку.

Каково же философско-психологическое значение опыта воспитания слепоглухонемых детей в Загорской школе-интернате? Прежде всего, этот опыт доказал теоретическую несостоятельность как идеалистического, так и натуралистического понимания психики как некоего врождённого начала (в виде нематериальной «души» или врождённых рефлексов), которое проявляется лишь в процессе онтогенеза. Человеческое сознание не есть функция высокоорганизованной материи – мозга, ибо разум («дух») предметно зафиксирован не в генах, не в биологически заданной морфологии тела и мозга индивида, а только в продуктах его труда и потому индивидуально воспроизводится лишь через процесс активного присвоения вещей, созданных человеком для человека, через усвоение способности этими вещами по-человечески распоряжаться.

Этот вполне реальный, общественно-человеческий разум, возникший и исторически развившийся в процессе общественного труда людей, и присваивается ребёнком, делается и его разумом. Этот разум сначала существует вне ребёнка, до и независимо от него. Он воплощён – опредмечен – в таких прозаических вещах, как соска и горшок, ложка и одеяло, умывальник и пуговицы, – в тысячах предметов быта. И в действиях взрослого, в которых воплощён опыт предшествующих поколений по использованию этих вещей согласно их роли и функции в системе человеческой культуры. «Сознание и воля, возникающие в психике человеческого индивида, – это прямое следствие того факта, что ему противостоит (в качестве объекта его жизнедеятельности) не природа как таковая, а природа, преобразованная трудом предшествующих поколений, оформленная человеческим трудом, природа в формах человеческой жизнедеятельности», – пишет Э.В. Ильенков [3, с. 67].

Таким образом, человеческая психика не есть функция мозга, а функция предметно-практической деятельности. И сам человек не есть создание природы, подобно клеверному цветку, а есть и продукт, и субъект труда, и вся история развития человека – ни что иное, как история порождения человека человеческим трудом. В экспериментальном доказательстве и демонстрации этого вывода и заключается главное научное значение опыта Загорской школы-интерната.

Итак, личностью рождаются или становятся? Или, выражаясь более научно, является ли личность предпосылкой деятельности или её результатом? Ещё не так давно большинство учёной и неучёной публики склонялось к первому – что личностью рождаются. Сегодня ситуация

меняется – хрестоматийным становится обратное утверждение. «С мыслью о том, что личностью человек не рождается, а становится, согласны сейчас большинство психологов» [4, с. 356]. Немалая (если не главная) заслуга в утверждении этого тезиса принадлежит отечественной психологии, на знамени которой были написаны два принципа: диалектика и деятельность. Сущность диалектического и деятельностного подхода к личности хорошо выразил С.П. Рубинштейн: «Подобно тому, как организм не развивается сначала, а потом функционирует, а развивается, функционируя, так и личность не формируется сначала, а затем начинает действовать: она формируется, действуя, в ходе своей деятельности. В деятельности личность и формируется, и проявляется. Будучи в качестве субъекта деятельности её предпосылкой, она является вместе с тем и её результатом» [5, с. 513]. Именно разработка диалектического и деятельностного подхода к решению психологических проблем составляет оригинальный вклад отечественной психологии в мировую науку.

Роль в этом Э.В. Ильенкова очень велика. Эта роль не только в блестящей философской интерпретации конкретных психологических исследований, но и в том, что Э.В. Ильенков был неформальной главой неформального объединения – «школы Э.В. Ильенкова», которая включала философов и психологов, педагогов и публицистов, социологов и историков. Он был душой очень значительного круга людей, на которых оказывал большое влияние. В частности, у него дома бывали такие известные психологи и педагоги, как А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов и А.И. Мещеряков. Он поддерживал не только научные, но и дружеские контакты с выпускниками Загорской школы, помогая им не только как учёный, но и как человек. Подлинная личность, согласно Э.В. Ильенкову, обнаруживает себя там, где индивид производит некоторый всеобщий результат, оказывающий влияние на судьбы других индивидов. Именно такой личностью и был сам Э.В. Ильенков.

Позиция Э.В. Ильенкова в трактовке личности имеет не только философское, но и социально-политическое значение. На эту сторону ильенковской «формулы личности» обратил внимание его ближайший ученик, ныне доктор философских наук, профессор С.Н. Мареев: «Э.В. Ильенков всю жизнь доказывал... и теоретически, и на фактах, что люди равны в своих возможностях развития и ограничены в развитии только внешними обстоятельствами, включая также такое, тоже внешнее обстоятельство, как состояние органического человеческого тела. Значение так называемого Загорского «эксперимента» он видел как раз в том, что человек может приобщиться к высшим культурным ценностям вопреки серьёзным органическим поражениям своей телесной организации. И на этой почве, на почве признания человеческого равенства, у Э.В. Ильенкова в последние годы жизни завязалась тесная дружба с известным генетиком Н.П. Дубининым: здесь на одной и той же почве – на почве демократического равенства всех людей, сошлись две линии – линия, идущая от классической философской традиции, которая никогда не отождествляла сущность человека с его антропологической природой, и линия, идущая от современной генетики, которая показывает, что никакие человеческие качества генетически не кодируются и не наследуются. ...если бы своей особенностью человек был обязан не социальному качеству, а своей биологической природе, своим «генам», то среди баранов были бы самые яркие индивидуальности» [6, с. 84–85]. Таким образом, ильенковскую «формулу личности» отличает не только глубокая философичность и гуманизм, но и подлинный демократизм, что делает его наследие непреходящей страницей отечественной мысли.

Литература

1. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
2. С чего начинается личность? М.: Политиздат, 1983.
3. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Искусство и коммунистический идеал. М.: Искусство, 1984.
4. Немов Р.С. Психология. М.: Владос, 2010. Кн.1.
5. Рубинштейн С.П. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2009.
6. Мареев С.Н. О либерализме и демократии // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. М.: ИФРАН, 1997.